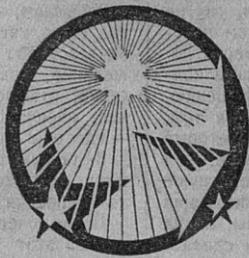

Неделя. - 1991. - 4-10 ноября (№45). - с. 15

Мамбурова Б.

10.11.91

ПЕСНЯ, СПАСЕННАЯ ОТ «ПОПСЫ»

Из жизни
звезд

Дитя обманчивой хрущевской оттепели, она вышла в мир (тогда в основном студенческий) с песнями знаменитых бардов — Окуджавы, Высоцкого, Матвеевой. И с тех пор держится в стороне от основного потока нашей эстрады, при всех властях и капризах моды сохраняя верность изначально взятому направлению на одухотворенность стиха и изощренность мелодии. Расширению круга ее почитателей такая стратегия, увы, не способствовала. Впрочем, сама певица на сей счет не очень расстраивается. Знаю это точно, поскольку имею счастье быть знакомым с нею давно и достаточно хорошо. Помню, одна одесская газета, напечатав интервью с Камбуровой, вынесла в заголовок ее слова: «Я счастлива своей непопулярностью». Отчего так?

Фото
Виктора
АХЛОМОВА.

лось смазанным. Да, я о концерте у Белого дома. Я сначала подумала — как здорово! И надеялась, что будет не просто концерт, а важнейший акт нравственного очищения, под стать событию, которое послужило для него поводом, и на подмошку выйдут не просто певцы, но крупнейшие моральные авторитеты нашего времени, авторы, барды. Надежда оправдалась лишь в незначительной части: Макаревич, Градский, Говорухин, Вайкуле... Возможно, я кого-то упустила? Но в основном то почти каждым номером мне лично давали пощечину. Выходили те, кто готов петь для любого режима — как, например, Кобзон. А какое отношение к народному празднику имел Илья Глазунов или Петросян? Всем вдруг так захотелось показаться, покрасоваться!

— Твое мнение об основном потоке современной эстрады, в общем, известно. И все-таки — в двух словах.

— Не хватает чувства юмора говорить об этом спокойно. Все, что есть массовая эстрада, представляет собой планомерное разрушение человеческих душ. Нормой становится откровенная дебилость. Когда-то мы могли спорить о качестве музыки или стихов, сегодня уже не о том разговор. Ни стихов, ни музыки уже просто нет, а есть либо порнография, либо полный маразм. Для выражения чувства любви, например, на протяжении всей песни повторяется фраза: «А я тащусь от тебя!» Я не преувеличиваю: у нас, по выражению Гарсии Лорки, планомерно вырабатываются племена «духовных кастратов». Ни с чем не соизмерим вред, который наносит душам так называемая попса!

— Но ведь все эти «роки» и «попы» пришли к нам с Запада. Мы лишь следуем мировой моде, причем, как и в моде на одежду, получаем новинки с опозданием. Выходит, что «там» дело обстоит еще хуже?

— Вовсе нет — вся штука, види-

мо, в дозировке. В Англии, например, есть специальный телеканал, по которому в определенное время идет рок-музыка: кто хочет — слушает, но у человека по крайней мере есть право выбора. Он может даже пойти в ресторан, где звучит прелестная скрипичная и фортепьянная музыка. А в наших ресторанах и поговорить невозможно от «музыкального» грохота! Бескультурье? Конечно. Беда, однако, в том, что это словно бы сознательно поощряется. Музыкальные редакции радио и телевидения планомерно занимаются пропагандой песен именно такого рода.

Перестройка в этом смысле мало что сделала, и культурная атмосфера не изменилась. Возьми хоть продавца в любом магазине: казалось бы, он должен сочувствовать тем, кто выстроился к его прилавку, ведь всем нам сейчас так трудно. Но вместо этого человек словно бы радуется возможности оскорбить всю очередь.

— Оно-то верно, но все же представь себя на его месте...

— Ну, Боже мой!.. Если бы я работала продавцом, я бы, во-первых, никогда не оскорбляла людей. Пыталась бы ответить на все вопросы, которые мне задают. Не уходила бы никуда и товарку свою, которой нечем заняться, пригласила бы на подмогу. И поработилась бы, чтобы кассирша не отлучалась, когда сто человек стоят в кассу! И...

— Ну хорошо, хорошо, извини! Предлагаю забыть на минуту о сегодняшней нервозности и погрузиться еще раз в прошлое. Вспомни: как начиналась твоя артистическая карьера?

— Мучительно. Проучившись два года в Киевском институте легкой промышленности, все бросила и приехала в Москву поступать в театральное, в Щукинское. Ни о каком пении тогда и речи не было — мечтала стать драматической актрисой. Нет, в роду у меня не было никаких артистов: мать (сейчас на пенсии) по профессии врач, отец был инженером.

Так вот: я тогда почти поступила! До третьего тура дошла. Между прочим, в одном потоке со мной были те, кто впоследствии составил костяк Театра на Таганке. Хорошо помню Аллу Демидову, Зинаиду Славину. Даже как они были одеты.

— Как они были одеты?

— Демидова была в такой бордовой юбке, Славина — в черном платье с белым воротничком. Но они-то поступили, а я нет. И началась моя митарства, потому что возвращаться к родителям в Хмельницкий мне гордость не позволяла. Чистила вагоны, подметала на Савеловском вокзале, потом взяла на стройку, и стало немного легче. На следующий год набралась опять в Щукинское, но получилось, как у Буратино: шел в школу — попал в цирк. Одна подружка подбила: есть, мол, такое училище, где учат и жонглированию, и акробатике, и все это жутко интересно... Я пошла и, в общем, не пожалела. В тот год Московское цирковое впервые набирало на отделение, которое впоследствии стало эстрадным, а тогда его почему-то называли «клоунадой». Учили понемногу всему, в том числе и акробатике, и жонглированию. На курсе нас было человек двадцать; некоторые в самом деле стали клоунами.

— Мечта о театре отступала все дальше?

— Да, будто неведомая сила уводила меня от Щукинского. Впрочем, уводила ли? То, что я пытаюсь делать с песней, в общем-то, и есть прежде всего актерский труд. Просто у нас так принято говорить: актер, мол, — это одно, а певец — нечто совсем другое.

— Как предпочитаешь проводить досуг? Привычки, увлечения?

— Ну люблю, например, клоунов шить. Но, признаться, живу в таком напряжении, которое мешает волю чувствовать себя во времени. Постоянно нужно куда-то бежать, звонить, торопиться, вечно что-то не в порядке или что-то вот-вот на тебя обрушится. Нет возможности заниматься собственным голосом, пластикой, репетировать, то есть вести жизнь артистки. Иногда ощущение, что ты — на войне, в окопе, в шинели.

— И все же — о личных склонностях. Не все, например, знают, что Камбурова — вегетарианка. Чем вызван отказ от мясного: религиозно-философскими соображениями? Заботой о поддержании спортивной формы? Или же прозаическим удовольствием дефицитом?

— Видимо, просто моей любовью к животным.

— А нелегко, должно быть, нынче-то проявлять разборчивость в еде?

— Ох, нелегко! Друзья помогают: кто крупы достанет, кто капуста принесет... Во время концертов на гастролях я вообще очень мало ем. Утром — травяной чай. С лета запасуюсь травкой — чебрец, душица, зверобой. Обожаю, кстати, собирать травы...

Ну вот, травяной чай да два-три орешка — весь завтрак. На обед иногда борщики такие делаю себе. Могу салатик приготовить. Иногда морскую капусту купишь на всю поездку. Прекрасная вещь — кокосовые орехи, да растут не в наших краях!

— Действительно. Но есть в нашей жизни и другие сложности. Вот в самом начале ты сказала, что известность у публики артисту все же полезна. Чем? И почему ты именно теперь в этом убедились?

— Я поняла, что в былые времена мне все же надо было быть побойчее. Я боялась просить чего бы то ни было — лишь бы не трогали. А в результате оказалась в тени. Вот возник, например, вопрос о помещении для моего театра, дошло до человека, от которого зависит решение, а он спрашивает — это кто? Я не знаю такой певицы!.. И он действительно меня не знает, потому что я была, как невидимка. Теперь надо выходить из «подполья». Ведь от этого зависит благополучие не только мое лично, но и моих партнеров-единомышленников.

— Словом, театра для немассовой и некассовой эстрады, верно? Между прочим, во всем мире такого рода «штучное» искусство живет за счет меценатства или, по-современному, спонсорства...

— Вот и мы на это надеемся. Государство, как выяснилось, не может взять мой театр под свою крышу. Для этого нам пришлось бы выдать на год, допустим, пять тысяч рублей, а горфинотделу это кажется безумно большими деньгами.

Что же касается спонсоров... Спасибо малому предпринятию «Циклон» из Санкт-Петербурга: недавно оно, ни о чем не спрашивая, переслало на наш счет деньги, и теперь нам есть на что купить синтезаторы, о которых мы столько мечтаем. Может быть, найдутся и другие?..

Хочется переадресовать этот вопрос потенциальным меценатам (старое слово почему-то кажется мне более подходящим к случаю). Напомнить им о традициях Третьякова, Мамонтова, Морозова, Бахрушина и других представителей российского купечества, чьей поддержкой произрастало искусство. Посоветовать им на то, что финансирование звезд современной поп-эстрады, может быть, и выгоднее с точки зрения скорой рекламной отдачи, но в нравственном смысле слова едва ли достойнее. Хотя бы потому, что упомянутые звезды, не сходящие с телеэкрана и собирающие почтенную публику стадионами, как правило, куда меньше нуждаются в помощи. Деньги же, истраченные на поддержку Театра песни Елены Камбуровой, можно приравнять к расходам на лекарство для нравственно больного общества.

Михаил КРУШИНСКИЙ.

БАНКОВСКИЕ РЕКВИЗИТЫ
ТЕАТРА: РАСЧЕТНЫЙ СЧЕТ
001630, ФРУНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
СОЦКОМБАНКА, МФО
201112.